

showed that in microcredit programs with the aim of improving the standard of living for every 100 additional taka (Bangladesh currency) allocated to women, annual consumption and family expenses increased by an average of 18 taka, and when men received the same amount, only 11 taka [3, p. 335–339].

The policy to ensure transparency of information on the wages of women and men makes a significant contribution to ensuring gender equality and non-discrimination in wages (see eg. [4]).

Currently more than 90 countries around the world are implementing various gender budgeting initiatives. The experience of these countries shows that gender budgeting contributes to improving the quality of services for the population, a more efficient distribution of budgetary expenditures, taking into account the needs of a particular consumer, and an increase in the rates of economic development of territories.

Thus, progress towards gender equality makes a significant contribution to sustainable economic growth in the long term, and any policy measures are not gender-neutral. In socio-economic policy, it is necessary to take into account gender factors at all stages of decision-making.

References

1. Карпуненкова, О. Матриархат и светлое будущее. Что дают экономике женщины-руководители? / О. Карпуненкова // РБК. — 2012. — № 7. — С. 16–18.
2. Khandker, Sh. The Impact of Group-Based Credit Programs on Poor Households in Bangladesh / Sh. Khandker, M. Pitt // J. of Political Economy. — 1998. — № 106. — P. 958–996.
3. Рудый, К. В. Гендерные факторы роста экономики Беларуси / К. В. Рудый // Белорус. экон. журн. — 2015. — № 4. — С. 23–32.
4. Vorschlag für eine Richtlinie des Europäischen Parlaments und des Rates zur Stärkung der Anwendung des Grundsatzes des gleichen Entgelts für Männer und Frauen bei gleicher oder gleichwertiger Arbeit durch Lohntransparenz und Durchsetzungsmechanismen [Elektronische Ressource] // Europäische Kommission. — Zugriffsmodus: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/aid_development_cooperation_fundamental_rights/com-2021-93_de_1.pdf. — Zugriffsdatum: 18.03.2021.

<http://edoc.bseu.by>

И. В. Жабенок, канд. экон. наук, доцент
ihar.zhabianok@gmail.com
БГЭУ (Минск)

КОРРУПЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Современный экономический взгляд на коррупцию во многом определяется концепцией поиска политической ренты, которая предполагает, что получение прибыли в экономике может определяться не только исключительно предпринимательской деятельностью, но и в результате изменения правовых норм или административных решений. Это приводит к тому, что участникам экономических процессов может быть выгодно инвестировать не столько в инновационную, сколько в политическую деятельность. Данного рода взаимодействие частного и государственно-административного секторов не всегда носит легальный и общественно выгодный характер, что и формирует почву для развития коррупции.

Наличие коррупции не только снижает общественное благосостояние в целом, но и оказывает существенное отрицательное воздействие на экономический рост и развитие. Низкие экономические показатели сами по себе не являются доказательством развитой коррупции, равно как и экономический успех не является однозначным признаком отсутствия коррупции. Поэтому при анализе связи между коррупцией и экономическими переменными важно проявлять определенную осторожность, чтобы не принять корреляцию за причинно-следственную связь [1].

Явления, которые сегодня мы бы назвали коррупционными, зародились с появлением современного общества. Уже традиционные общества характеризовались кумовством,

взяточничеством и клиентелизмом. Причинами этому были как отсутствие эффективно функционирующей бюрократии (в «вебленовском» смысле), так и недостаточность развития рыночных институтов функционирования экономики [2].

Историки дискутируют о том, произошел ли к концу XVIII в. решительный прорыв в понимании коррупции и борьбе с ней. Некоторые считают, что именно в XIX в. имел место существенный перелом: старые привилегии и обычаи, особенно патронаж, стали считаться проявлением коррупции. Это привело к отказу от древних и устаревших интерпретаций коррупции, обычно понимаемых как моральное вырождение добродетели человека или всего общества. На смену им пришло новое ограниченное понятие коррупции, в основе которого лежит злоупотребление государственной властью для личной выгоды в соответствии с формально-правовыми правилами — форма социально-экономической девиации [2].

Исследование истории вопроса показывает, что ни одна страна не превратилась из глубоко коррумпированного общества раннего Нового времени в полностью свободную от коррупции. Несмотря на то что контроль над коррупцией существовал в раннем современном обществе, в современную эпоху возникли новые формы ее проявления.

Источники

1. *Mauro, P.* Why worry about corruption? [Electronic resource] / Paolo Mauro // International Monetary Fund. — 1997. — Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues6/issue6.pdf>.
2. *Kroeze, R.* Anti-corruption in history: from antiquity to the modern era / Ronald Kroeze, Vitória André, Guy Geltner. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2018.

<http://edoc.bseu.by>

*Д. И. Жигунов, ассистент
diz@tut.by
БГЭУ (Минск)*

РИСКИ РАЗВИТИЯ «ГОЛЛАНДСКОГО СИНДРОМА» ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Открытие в 1950-х–1960-х гг. месторождений газа в Северном море и рост его экспорта привели к удорожанию голландского гульдена, что в свою очередь сделало менее конкурентоспособной перерабатывающую промышленность и замедлило темпы экономического роста. Кроме того, значительные инвестиции оказались перенаправлены в сферу разработки газовых месторождений в ущерб развития прочих отраслей. Данное явление получило название «голландский синдром».

Опасность «голландского синдрома» для экономики состоит и в том, что сырьевые рынки являются одними из наиболее нестабильных, что может приводить к значительным колебаниям внутреннего спроса. По оценкам ряда авторов [1], в результате темпы экономического роста в странах, обеспеченных природными ресурсами, оказываются значительно ниже, чем в странах с малым запасом.

Экономика Беларуси является индустриальной с относительно небольшим запасом природных ресурсов, поэтому, на первый взгляд, ей «голландский синдром» не грозит. Однако наблюдается динамика роста сбыта минеральных продуктов и энергетического сырья. В частности, экспорт калийных удобрений возрос с 2840,2 тыс. т в 2000 г. до 7143,4 тыс. т в 2020 г. Экспорт сырой нефти вырос с 350,6 тыс. т в 2000 г. до 1216,8 тыс. т в 2020 г. (1649,4 тыс. т в 2019 г.) [2]. Аналогичная ситуация складывается с азотными удобрениями, смешанными минеральными, лесоматериалами. Предприятия, ведущие разработку месторождений минеральных ресурсов и энергетического сырья, являются основными налогоплательщиками в стране. В частности, концерн «Белнефтехим», в струк-